

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 5, Pp. 1141–1150, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 294.321+930.253+821.51
 DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1141-1150

«С посыльщиком моим словесной приказ есть». Из опыта сравнительного изучения текстов писем хана Аюки на «тодо бичиг» («ясном письме») и их синхронических русских переводов XVII–XVIII вв.

Галина Михайловна Ярмаркина¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, ученый секретарь

 0000-0002-3701-9157. E-mail: dzalina8@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Ярмаркина Г. М., 2024

Аннотация. *Введение.* Письма хана Аюки, записанные на «тодо бичиг» («ясном письме»), хранящиеся в архивах, сохранились и в синхронических переводах. В практике деловых коммуникаций XVII–XVIII вв. использовались и устные сообщения, передаваемые адресату с посланником, и о наличии такого сообщения адресант мог открыто сообщить в письме. До настоящего времени данный аспект писем специально не рассматривался, хотя этот структурный и содержательный элемент калмыцкого делового текста и синхронического перевода важен как маркер некоторых норм делопроизводства того времени. *Цель* статьи состоит в выявлении особенностей языкового оформления информации о наличии дополнительных сведений, передаваемых исключительно в устной форме, как в калмыцком тексте, так и в его переводе, а также в уточнении практики письменной фиксации текста устного сообщения в синхронических переводах писем на русский язык. Источником *материала* послужили 236 писем хана Аюки из фондов Российского государственного архива древних актов и Национального архива Республики Калмыкия, написанные с 1665 г. по 1724 г., и их синхронические переводы на русский язык. В этом массиве деловых текстов обнаружен 41 пример упоминаний об устном сообщении. *Результаты.* Информация о наличии дополнительных сведений, передаваемых в устной форме, фиксируется в текстах писем на «тодо бичиг» и их синхронических русских переводах при помощи стандартных формул, не исключающих лексической и грамматической вариативности. Письменная фиксация текста устного сообщения в синхронических переводах писем хана Аюки на русский язык регулярно отмечается после 1716 г. Запись переданной устно информации указывает на постепенное изменение стандартных процедур работы с письмами на «тодо бичиг», совершенствование процесса делопроизводства в целом и работы переводчика в частности. Содержание записанных сообщений может повторять информацию, переданную в письме, пояснять причины просьбы, содержащейся в письме, или существенно дополнять письменное послание. Маркерами устного сообщения выступают разговорная частица *де*, пассивные конструкции и устойчивые формулы, предвещающие запись устной речи посланника. В письменном оформлении устного сообщения при необходимости используется графическое выделение тематических блоков, их нумерация; запись устного сообщения может быть подтверждена подписью посланника.

Ключевые слова: Аюка-хан, письма, XVIII в., «тодо бичиг» («ясное письмо»), синхронический перевод, сравнительный анализ, устное сообщение, формула

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Ярмаркина Г. М. «С посыльщиком моим словесной приказ есть». Из опыта сравнительного изучения текстов писем хана Аюки на «тодо бичиг» («ясном письме») и их синхронических русских переводов XVIII в. // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 5. С. 1141–1150. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1141-1150

‘The Messenger to Articulate an Oral Order of Mine’: A Comparative Study of Khan Ayuka’s Oirat-Language (Clear Script) Correspondence Texts and Their Synchronic Russian Translations

*Galina M. Yarmarkina*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate, Scientific Secretary

 0000-0002-3701-9157. E-mail: dzalina8[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Yarmarkina G. M., 2024

Abstract. Introduction. The archived Oirat-language (in Clear Script) letters by Khan Ayuka are also available in their synchronic Russian translations. The seventeenth-eighteenth communication practices could involve oral messages to be transmitted to the addressee by the envoy, and such message would be openly indicated in the letter. To date, this aspect of correspondence has received no special attention, despite the specified structural and substantive element of official Kalmyk narratives — and related translations — is important enough as a marker of records management norms inherent to that era. **Goals.** The article seeks to identify peculiarities of certain linguistic patterns employed to express there are (were) additional data to be delivered orally — both in a Kalmyk text and its translation. The work shall also consider the practice of including such oral messages into synchronic Russian translations. **Materials.** The study examines a total of 236 letters (and their translations) by Khan Ayuka from the Russian State Archive of Ancient Acts and Kalmykia’s National Archive dated between 1665 and 1724. The identified scope of official texts contains 41 mentions of oral messages. **Results.** In Clear Script texts and their synchronic Russian translations, mentions of additionally available messages to be delivered orally are articulated with standard formulas that however do not exclude some lexical and grammatical variability. Oral messages of Khan Ayuka would be regularly included into their Russian translations after 1716, which attests to a gradual change in standard procedures for Clear Script letters, further improvement of records management processes in general — and translation processes in particular. The recorded oral parts may repeat the data given in the letter, explain reasons behind the request contained therein, or essentially supplement the written message. The markers of such once oral fragments are the colloquial particle *de*, passive constructions, and set formulas that precede any written record of the messenger’s oral speech. Such written narratives may contain graphic indications of thematic sections, the latter’s numerical designations, and confirming signatures of the messenger proper.

Keywords: Khan Ayuka, letters, eighteenth century, Todo Bichig (Clear Script), synchronic translation, comparative analysis, oral message, formula

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 ‘Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China’.

For citation: Yarmarkina G. M. ‘The Messenger to Articulate an Oral Order of Mine’: A Comparative Study of Khan Ayuka’s Oirat-Language (Clear Script) Correspondence Texts and Their Synchronic Russian Translations. *Oriental Studies*. 2024; 17 (5): 1141–1150. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1141-1150

1. Введение

Письма хана Аюки, записанные на «тодо бичиг» («ясном письме»), переводились толмачами и переводчиками, находящимися в штате государственных учреждений [Колесник 2003: 135; Сусеева 2009: 172–173; Сусеева, Хараева 2012: 122–123; и др.], поэтому до наших дней дошли не только оригиналы калмыцких текстов, но и их синхронические переводы. Именно синхронические переводы как образцы текстов, характерных для системы делопроизводства в России конца XVII – первой четверти XVIII в., позволяют более или менее точно определить время написания калмыцкого письма, поскольку в реквизитах перевода указывается дата получения письменного послания.

В практике деловых коммуникаций того времени были и устные сообщения, которые посланник должен был передать адресату, и о наличии такого сообщения адресант мог открыто сообщить в письме. Если такого замечания не было, то устная беседа с посланником все же имела место, и результаты этой беседы частично отражались в русском переводе в виде дополнительной информации, которая могла быть получена исключительно от подателя письма [Ярмаркина 2018: 1193–1194].

До настоящего времени данный аспект писем не рассматривался специально, хотя имеются упоминания об устойчивом сочетании «словесный приказ» как одном из примеров стандартных выражений, характерных для языка русских переводов деловых писем XVIII в. [Сусеева и др. 2013: 725], и отмечается наличие записи устных речей калмыцких послов [Станков 2020: 41]. Между тем этот структурный и содержательный элемент калмыцкого делового текста и синхронического перевода может указывать на изменение и становление некоторых норм делопроизводства того времени.

Цель статьи состоит в выявлении особенностей языкового оформления информации о наличии дополнительных сведений, передаваемых исключительно в устной форме как в калмыцком тексте, так и в его

переводе, а также в уточнении практики письменной фиксации текста устного сообщения в синхронических переводах писем на русский язык.

2. Материалы и методы

Источником материала послужили 236 писем тайши (хана) Аюки, направленные в адрес представителей центральной и региональной российской власти с 1665 г. по 1724 г., и их синхронические переводы на русский язык. Письма отложились в фондах Российского государственного архива древних актов (далее — РГАДА) и Национального архива Республики Калмыкия (далее — НА РК). В этом массиве деловых текстов обнаружен 41 пример упоминаний об устном сообщении.

Транслитерация и буквальный перевод оригинальных текстов на русский язык выполнены ведущим научным сотрудником Калмыцкого научного центра РАН, доктором исторических наук Д. Н. Музраевой. В ходе анализа материала используются сравнительно-сопоставительный, описательный методы, а также метод контекстуального анализа.

3. Средства выражения информации о наличии устного сообщения

3.1. Устойчивые формулы: стандартность и вариативность

Лаконичная формула о наличии устного сообщения встречается в завершающей части текста письма: может представлять собой последнее предложение делового послания, иногда после или до этой фразы указывается имя посыльного: *elčiyin amandu üge biy: / elči Macan:*¹ ‘У посланника

¹ В транслитерации использованы следующие знаки: внутри слова — двоеточие для передачи знака долготы; между словами — знаки в виде одной, двух, четырех точек, которые передавали знаки препинания в калмыцком вертикальном письме. Одна и две точки или знак = разграничивали предложения или отдельные части предложений, т. е. выполняли функции современных точки и запятой. Четыре точки, как правило, ставились в конце большого абзаца или текста.

есть устное сообщение. Посланник Мацан' [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 82об.]. В синхроническом русском переводе данная формула также передается, как правило, лаконично, с указанием на наличие «словесного приказа»: *С посыльщиком моим словесной приказ есть. Посыльщик мой Моцан с товарищи 5 человек* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 83]. Фраза близка к стандартной, однако материал содержит примеры вариантов средств выражения, используемых как в калмыцких деловых письмах, так и в их синхронических переводах на русский язык. Рассмотрим различные варианты оформления информации об устном сообщении, при этом будем обращать внимание и на такие особенности, как наличие или отсутствие синхронического русского перевода письма, наличие или отсутствие записи текста устного сообщения и др.

В ряде случаев в письмах на «тодо бичиг» имеется упоминание об устном сообщении, однако из-за отсутствия синхронического перевода мы не можем сопоставить оригинальные и переводные варианты формулировки. Таких случаев в нашем материале семь. Среди них имеются формулировки, которые можно отнести к шаблонным: *basa üge elčiyin amandu*: 'У посланника [имеется] также устное сообщение' [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 40об.]. В сообщении может отсутствовать слово *elči*, в этом случае указывается только имя посланника: *Zanzani aman-du üge bei* 'У [посланника] Джанджина есть устное сообщение' [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 91]. В этой группе примеров нам встретилось 3 подобных сообщения о дополнительных сведениях, переданных устно, и именно такая конструкция может расцениваться в качестве своеобразного клише: в устойчивой конструкции вариативен первый элемент — может быть использован термин *elči* или антропоним — имя посланника: *Basliyin amandu üge biy*: 'У Василия на устах слова' [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 292об.]; *Išiyin aman-du üge bei*: 'На устах Иши — слова' [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 243об.].

Уникальный случай отмечается в письме 1702 г., адресованном князю Б. А. Голицыну: здесь речь идет не просто об устном со-

общении, а о «забытых словах»: *martaqsan üge elčiyin aman-du* 'Забытые слова¹ — на устах посланника' [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 1. Л. 11]. Приведенный пример является единственным в имеющемся материале.

На структуру и лексическое наполнение формулировки об устном сообщении может оказывать влияние левый контекст. Так, в письмах зафиксированы случаи, когда в формуле отсутствует термин *elči* и личное имя, что может объясняться указанием имени посланника в левом контексте: *elči Iši tabuula amār kelekü üge bei*: 'Посланник Иши, впятером. Имеется устное сообщение' [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 168об.].

В письме 1712 г., адресованном государю Петру Алексеевичу, обращает на себя внимание правый контекст формулировки о наличии сообщения в устной форме, содержащий побуждение адресата к получению переданной на словах информации: *basa üge tani elčiyin amandu bei*[.]² *suraqtun*: 'У посланника также есть устное сообщение. Расспросите' [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 7. Л. 4]. Подобный случай, когда после сообщения о цели отправки посланника следует побудительная конструкция, зафиксирован в письме 1721 г., адресованном А. П. Волынскому. Стандартная фраза об устном сообщении в деловом письме отсутствует, но императив (и анафорическое местоимение) косвенно указывает на наличие такого сообщения: *asani ilgeqsen uçir mini zurγān dolōn üyileyin tölō ilgebebi*: *töüni asanāsa amāran suraxayiči*: 'Причина отправки Асана: отправил из-за шести-семи своих дел. О них расспроси у Асана' [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 238об.]. В синхроническом русском переводе сохраняется данная формулировка, в том числе и императивная конструкция: *Асана послал я для своих шести или семи дел, о чем вы у Асана словесно спросите* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 239].

¹ Комментарий Д. Н. Музраевой: под «забытыми словами» имеются в виду те слова, которые на момент завершения письма так и не были записаны писцом, но, возможно, под ними подразумевается такая информация, которая предназначалась только для передачи в устной форме.

² В квадратных скобках приводятся восстановленные знаки и буквы.

Упоминание о наличии переданных устно сведений в оригинальном тексте письма и в синхроническом переводе позволяет рассмотреть средства и способы выражения информации в сопоставительном аспекте. В материале выявлено 11 писем, информирующих адресата об имеющемся устном сообщении, и 11 синхронических переводов этих деловых посланий. Отметим, что текст устного сообщения в данных переводах не записан.

В целом синхронический русский перевод, как правило, сохраняет информацию, содержащуюся в оригинале на «тодо бичиг» — указывается личное имя посланника, отмечается наличие устного сообщения: *elči Hašxa amār kelekü üge bei*: ‘У посланника Хашхи есть что передать на словах’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 5. Л. 35]. Ср. русский перевод: *А с посланцом моим с Кашкою имянно мой изустной приказ есть* [РГАДА. Ф. 119. 1698 г. Д. 5. Л. 45]. Имеются примеры почти полного лексического и синтаксического соответствия оригиналу: *elčiyin amandu üge bei elči Denjin dolōn küiün* ‘На устах посланника — слова. Посланник — Денджин, семь человек’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 10. Л. 48об.]. Ср. русский синхронический перевод: *А словесной приказ с посланным моим. Посыльщик мой Денджин с товарищи семь человек* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 10. Л. 49].

В ходе сопоставительного анализа калмыцких деловых писем и их русских переводов обнаруживаются вариации оформления сообщения о дополнительно переданной информации. Например, в калмыцком тексте адресант ограничивается только информацией об устном послании, в то время как в синхроническом русском переводе появляется имя посланника и уже затем информация об имеющемся сообщении: *üge basa elčiyin aman-du bei* ‘Есть также слова на устах посланника’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 2]. Ср. рус.: *Посыльщик мой Цан, с ним словесно приказ* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 3, 3об.]. И наоборот — в соответствии с оригиналом передается информация об имеющемся устном сообщении, которая затем дополняется правым контекстом — сведениями об имени посыльного

и количестве сопровождающих его лиц: *elčiyin amandu ügebei*: ‘У посланника есть устное сообщение’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 131]. Ср. синхронический русский перевод: *С посыльщиком моим словесной приказ есть. Посыльщик мой Дондук с товарищи 5 человек* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 132].

В синхроническом переводе может изменяться последовательность предложений, содержащих информацию о посыльном и наличии у него устного сообщения. Ср.: калм. *elči Iši: amār küünekü {ügebei}*¹ ‘Посланник Иши. [Есть устное сообщение] для передачи’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 158об.] и синхронический русский перевод, где информация дается в обратной последовательности: *С посыльщиком моим словесной приказ есть. Посыльщик мой Иши Замсо с товарищи 6 человек* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 198]. Можем предположить, что это связано со сложившейся практикой перевода калмыцких деловых писем, которая проявляется в том числе и в последовательности информационных блоков переводного текста.

Количество предложений в оригинале и переводе также не всегда совпадает, и двум синтаксическим конструкциям калмыцкого текста в синхроническом русском переводе может соответствовать одно предложение: ср. калм.: *basa üge elčiyin amandu elči Cab*: ‘Также [имеются] слова на устах посланника. Посланник Цав’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 6. Л. 141об.]; рус.: *Словесной приказ с посыльщиком моим Цаном с товарищи пять человек* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 6. Л. 142].

Единичный случай отмечен в массиве писем за 1719 год: в письме на «тодо бичиг» имеется запись об устном сообщении, которое должен передать посланник: *üge basa elčiyin aman-du*: ‘Есть также слова на устах посланника’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1719 г. Д. 2. Л. 1об.–3], однако в синхроническом русском переводе параллельной записи нет, отдельная запись сообщения также отсутствует. Возможно допустить, что в данном

¹ Правая короткая сторона листа утрачена, поэтому сложно восстановить точное окончание этой фразы.

случае на отсутствие фиксации сообщения мог повлиять фактор адресата, поскольку письмо направлено государю Петру Алексеевичу и вполне вероятно, что переданная информация могла не предназначаться для записи. Не исключаем и иные причины, к которым можно отнести еще не сложившиеся окончательно правила делопроизводства, особенности работы переводчика или толмача и др.

Сопоставление калмыцких писем и их переводов на русский язык позволило выявить 8 случаев, когда при отсутствии в оригинале упоминания об устном сообщении шаблонная формулировка используется в синхроническом переводе, при этом текст устного сообщения не записан. Например, в финальной части письма, адресованного астраханскому обер-коменданту М. И. Чирикову, указывается только имя посланника: *elči Yeši Zamsu*:: [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 119]. Русский синхронический перевод, тем не менее, содержит формулу, указывающую на наличие устного сообщения: *Посыльщик мой Иши Замсо с товарищи 7 человек. С посыльщиком моим словесной приказ есть* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 120об.]. Аналогичный случай отмечаем в письме М. И. Чирикову, полученном 8 сентября 1714 г.: *elči Zān Darxan tayijī*:: ‘Посланник Зан Дархан тайджи’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 123]. Ср. синхронический русский перевод: *Посыльщик мой Зан Тарган таши с товарищи 5 человек. С посыльщиком моим словесной приказ есть* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 124].

Данная формула в русских переводах на лексическом уровне имеет варианты *посыльщик / посланный*; на уровне синтаксиса отмечается изменение порядка слов и незаполненные синтаксические позиции (не используется глагол *быть* в форме 3 л. ед. ч.): *Посылаю я посыльщика к Москве, пожалуй, приготовь подводы и четыре. С посыльщиком моим словесной приказ есть* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 24]; *Словесной приказ с посланным моим. Посыльщик Денжин с товарищи шесть человек* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 5. Л. 14].

В синхронических переводах двух писем хана Аюки за 1717 г. находим наиболее ла-

коничное сообщение об информации, предназначенной для устной передачи, представляющее собой назывное предложение: *И я ныне прислал к тебе в Астарахань Цахан Даши. Югбасар Солтамет Чувер, ханов посыльщик Цахан Даши, с товарищи 15 человек, словесной приказ* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 5. Л. 60]; *Словесной приказ. Посыльщик мой Данжин с товарищи 7 человек* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 5. Л. 125].

3.2. Формулы и содержание записей текста устного сообщения

Отдельную группу составляют деловые письма хана Аюки и их русские переводы, в которых отсутствует стандартная фраза о наличии устного сообщения, однако на листе русского перевода отдельно записывается устное сообщение, переданное посланником. Первый подобный пример зафиксирован в записи синхронического русского перевода письма, адресованного главе Посольского приказа канцлеру Г. И. Головкину и полученного 19 сентября 1716 г.: *И сего сентября в день присланной от Аюки хана посланец Шарап Янда в государственном посольском приказе сказал: послан де он, Шарап Янда, от Аюки хана для покупки в Москве про ево ханской обиход потребных товаров, дас ним де, Шарапом Яндою, прислан товарищ ево Темерхан да писарь, кошевицков и кошевараов пять человек* [РГАДА. Ф. 119. 1716 г. Д. 2. Л. 4].

Подобных случаев в рассмотренном массиве материала зафиксировано 6 (в письмах и переводах с 1716 г. по 1724 г.). Так, в листе перевода записана информация посланника о количестве сопровождающих его лиц, отсутствующая в оригинале: *Того ж числа присланной от хана Аюки калмыченин Лозон сказал, в присылке де с ним, Лозоном, товарищев и кошевицков десять человек, а в листу де присыльщиков имянно не означено, для того что и напред сего в листах не писывано* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 7. Л. 88, 88об.]. Эта запись объясняет появление дополнительной информации (имя посланника, число сопровождающих) в синхронических русских переводах без каких-либо ссылок на сообщения посольного. Подобные случаи мы относим к примерам

происходящих изменений в делопроизводстве первой четверти XVIII в. По всей вероятности, к этому времени начинают изменяться правила записи перевода полученных деловых писем и постепенно оформляются требования записи устных сообщений.

Содержание переданной на словах информации, записанной при переводе письма, адресованного русскому царю, касается не только решения вопросов, связанных с возвращением подвластных хану людей, но и соблюдения дипломатического этикета: *Да словесно он, посланец, объявил, что Аюка хан велел ему словесно донести, которые калмыки из их улусов в прошлом году в осень бежали на Дон, шестьдесят кибиток, чтоб оные отданы были ему, Аюке, в его улусы по прежнему.*

И объявил он, посланец, великому государю от Аюки хана в дарехотласперсицкой, травки золотные и серебряные.

Государыне царице такой же отлас. [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1719 г. Д. 2. Л. 7об., 8].

В переводах писем хана Аюки за 1721 г. тексты устных сообщений стали записываться регулярно. Запись сообщения предваряется формулой «Да посыльный словесно доносил», означающей переход к изложению дополнительной информации, или вариациями шаблонной формулы: *Да он же, присланной, словесно доносил: означенной де ха<...> бухаренин держатца в Астрахани в татарской су[де]бной избе, а калмыченин де пойман меж Царицына и Дмитриевска* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 55].

В большинстве случаев в переводах наблюдается приращение информации за счет новых сведений, записанных со слов посланника: *Да присыльщик Кедон (Кедок) словесно до[но]сил. Хановым приказом владеец де калмыцкой Назаров сын Доржи к хану Аюке прислал присыльщика, называемаго Сонома, с ведомостями, что каракалпаки, на три станицы собрався, пошли войною на русских людей, на башкирцов, на них, калмык, а правда ли или ложь, того де подлинно хан Аюка не ведает* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 185, 185об.].

Запись устного сообщения может содержать пояснение просьбы, сформулированной в письме. В одном из последних писем

1724 г. хан Аюка просит В. П. Беклемишева прислать лодки: *tanduongyocoolдохōr/-nioljïögüyici:* ‘Лодок, сколько найдется для нас, найди и пришли’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 17. Л. 25об.]. Причина же этой просьбы раскрыта в следующей записи устного сообщения: *А при переводе письма присланной калмыченин Жалчин сказал. В письме де написано, что кубанцы все поднялись на меня, и то де написано для того: в нынешних де числах уведомился Аюка хан, что идут кубанские татары войною, а от кого он, хан, о вышеписанном уведомился, того он, Жалчин, не знает. А что де написано, чтоб лотак прислать, и то де хан требует для того, что он, Аюка хан, болен и кочевание ему не мочно, и чтоб прислать к нему несколько лотак, и быть тем лоткам при нем, Аюкае хане, и как на него, хана, внезапно будет от кубанских татар нападение, чтоб ему, хану, в тех лотках уехать было мочно от них чрез Волгу реку на луговую сторону. А ныне де Аюка хан кочует по нагорной стороне ниже Черного Яру подле Волги против Казачьего острова, расстоянием от Черного Яру в сороке верстах* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 17. Л. 26, 26об.].

Среди рассмотренных деловых текстов обнаруживаются такие, где указание на наличие информации, предназначенной для передачи на словах, имеется как в оригинале на «тодо бичиг», так и в синхроническом русском переводе, содержащем к тому же и запись переданного устно сообщения. В трех примерах из пяти формулы на калмыцком языке и их русские соответствия устойчивы: *elčiyin atan-du ügebei:* ‘На устах посланника — слова’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 132] // *С посланным нашим Лузан Доржею есть словесной приказ* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 135]; *basa üge elčiyin atan-du bei* ‘Есть также слова на устах посланника’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 111об.] // *С посыльщиком словесной приказ есть* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 112, 112об.]. Однако под влиянием значимых экстралингвистических факторов в двух письмах в стандартную формулу включается тема переданного на словах сообщения: *Xüümügiyin tangyüdiyin: dörböd erketeni üge Bülidküyin amandu:* ‘О кумыкских тата-

рах, дербетах и эркетенах слова у Бюлютки на устах' [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 13. Л. 20об.]. В синхроническом русском переводе использована соответствующая формулировка: *О кумыцких татарех, о четверевых и ямановых калмыках з Билюткою словесной приказ есть* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 13. Л. 21, 21об., 22]. Отметим, что в качестве эквивалента этнонимам *дербеты* и *эркетени* переводчик использует этноним *калмыки* в сочетании с притяжательными прилагательными *четеревы* и *ямановы*, что, по всей вероятности, оказывается для адресата более информативным.

Говоря о содержательной стороне калмыцких писем и записей устных сообщений, адресованных канцлеру Г. И. Головкину, относящихся к 1713–1714 гг. и хранящихся в РГАДА, К. Н. Станков отмечает боль-

ший объем и информативность последних [Станков 2020: 41]. Отмеченная тенденция в целом сохраняется в синхронических переводах калмыцких писем за последующие годы, однако материал содержит примеры практически полного совпадения перевода и записи устного сообщения, переданного посланником. В тех случаях, когда зафиксированные устные сообщения в основном совпадают с информацией, переданной в письме, маркером записи устной речи посланника выступает не только предваряющая запись формула «И сего сентября в день присланной от Аюки хана посланец Шарап Янда в государственном посольском приказе сказал», но и такие лексико-грамматические особенности, как регулярное использование разговорной частицы *де* и замена активных конструкций пассивными:

Синхронический русский перевод XVIII в.	Запись устной речи
<i>В листу ево ханском к государственному канцлеру и кавалеру графу Гаврилу Ивановичю Головкину с ним же, посланцем Шарапом, написано: Я, Аюка хан, со всеми здесь здоров. Гаврила Иванович со всем домом своим там здравствуй. Послал я к Москве для нужных своих покупок посланцов своих, Шарапа Янду и Темерхана, с товарищи восемь человек. Изволь их отпустить с Москвы вскоре. У подлинного листа печать ево ханская.</i>	<i>И сего сентября в день присланной от Аюки хана посланец Шарап Янда в государственном посольском приказе сказал: послан де он, Шарап Янда, от Аюки хана для покупки в Москве про ево ханской обиход потребных товаров, да с ним де, Шарапом Яндою, прислан товарищ ево Темерхан да писарь, кошевициков и кошеварах пять человек.</i>
[РГАДА. Ф. 119. Год 1716. Д. 2. Л. 4]	

Русские переводы писем хана Аюки и имеющиеся при них записи устной информации иллюстрируют и явные различия в содержании и объеме информации. В таких случаях текст на «тодо бичиг» может восприниматься как формальное сопроводительное письмо, в то время как основное сообщение передается именно в устной форме. В синхронических переводах встречается запись устного сообщения, оформленная с разбивкой на два тематических раздела, разделы пронумерованы, после каждого раздела сообщение скреплено подписью посланника. Имя переводчика также указано [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 13. Л. 21,

21об., 22]. В письме за 23 сентября 1721 г. устное сообщение записано с разбивкой на темы: 1) о необходимости ведения судебных дел, 2) о выдаче ежегодного жалования [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 135]. Материал содержит аналогичные примеры, когда переданная устно информация представляет собой несколько сообщений и оформляется на письме с графическим выделением тематических блоков [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 112, 113].

4. Заключение

Информация о наличии дополнительных сведений, передаваемых исключительно в устной форме, в текстах писем на «тодо бичиг» и их синхронических русских переводах передается при помощи формул, обладающих признаками стандарта, но не ис-

¹ В данном случае речь идет о Дербетовском улусе, владельцем которого являлся тайша Четерь, и Эркетеневском улусе, где одним из владельцев был зайсанг Яман [Авляев 2002: 148, 308].

ключающих лексической и грамматической вариативности, зависящей в том числе от экстралингвистических факторов.

Письменная фиксация текста устного сообщения в синхронических переводах писем хана Аюки на русский язык, судя по имеющимся материалам, становится регулярной после 1716 г. Запись переданной устно информации указывает на постепенное изменение стандартных процедур работы с письмами на «тодо бичиг», совершенствование процесса делопроизводства в целом и работы переводчика в частности.

Содержание записанных сообщений может повторять информацию, переданную в письме, пояснять причины просьбы, содержащейся в письме, или существенно

дополнять письменное послание. В качестве маркеров устного сообщения регулярно используется разговорная частица *де*, пассивные конструкции и устойчивые формулы, предваряющие запись устной речи посланника. В случае большей информативности устного сообщения, деловой текст на «тодо бичиг» выполняет функцию формального сопроводительного письма, в то время как основное сообщение передается именно в устной форме. В письменном оформлении устного сообщения при необходимости используется графическое выделение тематических блоков, их нумерация; запись устного сообщения может быть подтверждена подписью посланника.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.
РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.
Russian State Archive of Ancient Acts.

Литература

Авляев 2002 — Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа. 2-е изд., перераб. и испр. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 325 с.
Колесник 2003 — Колесник В. И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в VII и XVIII веках. М.: Вост. лит., 2003. 286 с.
Станков 2020 — Станков К. Н. Новые архивные документы о конфликте калмыков и кубанских ногайцев в 1713–1714 гг. (по материалам РГАДА) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2020. Вып. 93. С. 39–46. DOI: 10.15382/sturII202093.39-46
Сусеева 2009 — Сусеева Д. А. Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771 гг.). Избранное. Элиста: Джангар, 2009. 992 с.
Сусеева и др. 2013 — Сусеева Д. А., Котяева Е. С., Олядыкова Л. Б., Ярмаркина Г. М. Русские переводы XVIII века деловых писем калмыцких ханов и их современников: тексты и исследования. Элиста: КалмГУ, 2013. 744 с.

References

Avlyayev G. O. Origins of the Kalmyk People. Second edition, rev. & suppl. Elista: Kalmykia Book Publ., 2002. 325 p. (In Russ.)
Kolesnik V. I. The Last Great Migration: Resettlement of Kalmyks from Central Asia to East Europe and Backwards in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. 286 p. (In Russ.)
Stankov K. N. New archive documents about the conflict between Kalmyks and Kuban Nogais in 1713–1714 (Based on materials of the Russian State Archive of Ancient Acts). *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Serii II: Istorii. Istorii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*. 2020. Vol. 93. Pp. 39–46. (In Russ.) DOI: 10.15382/sturII202093.39-46
Susseeva D. A. Letters of Kalmyk Khans and Their Contemporaries, 1713–1771. Selected texts. Elista: Dzhangar, 2009. 992 p. (In Russ.)
Susseeva D. A., Kotyaeva E. S., Olyadykova L. B., Yarmarkina G. M. Russian Translations of Eighteenth-Century Official Letters of Kalmyk Khans and Their Contemporaries: Texts and Studies. Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2013. 744 p. (In Russ.)

- Сусеева, Хараева 2012 — *Сусеева Д. А., Хараева А. Т.* К вопросу о В. М. Бакуanine как переводчике писем калмыцких ханов XVIII века и их современников // *Европейский журнал социальных наук*. 2012. № 7 (23). С. 122–128.
- Ярмаркина 2018 — *Ярмаркина Г. М.* Стратегии перевода калмыцких деловых текстов XVIII в. (на материале писем хана Аюки и их русских переводов 1714 г.) // *Oriental Studies*. 2019. № 6. С. 1188–1197. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1188-1197
- Suseeva D. A., Kharaeva A. T. Eighteenth-century letters of Kalmyk Khans and their contemporaries: Vasily M. Bakunin and his translation efforts. *European Journal. Social Science*. 2012. No. 7 (23). Pp. 122–128. (In Russ.)
- Yarmarkina G. M. Translation strategies for 18th-century Kalmyk official texts: A case study of Khan Ayuka's letters and Russian translations of 1714. *Oriental Studies*. 2019. Vol. 12. No. 6. Pp. 1188–1197. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1188-1197.

